

Он застыл, чувствуя, как в ушах звенит, и едва сдерживал желание броситься вперёд и избить этого старого упряма, заставив его замолчать навсегда!

Но Линь Яньсин не посмел этого сделать. За несколько месяцев, прошедших после того, как он чуть не утонул, он успел осознать некоторые реалии.

Это место было совершенно иным по сравнению с его прежним миром!

Там, откуда он пришёл, младшие могли позволить себе резкие слова в адрес старших, и это не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Непочтительность, а порой даже рукоприкладство, если скрывалось в пределах семьи, оставалось без внимания, и никто не вмешивался.

Обычно старики, столкнувшись с пренебрежением, если дело не доходило до угрозы жизни, предпочитали терпеть, а в случае разоблачения даже могли защищать своих детей.

Но здесь всё было иначе... Линь Цюндэ, которого он ненавидел всей душой, был главой клана Линь, и слова этого старшего из старшей ветви семьи не были просто словами обычного старика.

Непочтительность и неповиновение считались тяжким преступлением, способным не только разрушить карьеру, но и привести к тюремному заключению.

И самое главное — местные тюрьмы не были похожи на те, что Линь Яньсин представлял себе из современного общества.

Условия там были ужасающими, пытки и произвол — обычное дело, и даже если кому-то удавалось выжить, он мог остаться калекой, страдающим от болезней, не говоря уже о ссылке на границу.

Попав в это проклятое место, он настолько испугался, что несколько месяцев не решался открыть рот. Когда же он наконец освоился с местным диалектом и разобрался в делах резиденции Линь, то, хоть и был недоволен своим статусом незаконнорожденного сына, смирился с этим, так как прежний хозяин тела жил неплохо.

Он думал, что сможет завоевать славу на поэтическом собрании любования лотосами, устроенном каким-то удельным князем Чжэ, и прославиться в один миг.

Но кто бы мог подумать, что местные жители не поверят в его «талант», а даже его собственный дед отпустит оскорбительные слова.

«Эти невежественные, закаменелые древние люди осмеливаются сомневаться в мудрости "избранного небесами"! Просто глупцы!»

Его мать была всего лишь наложницей, и перед старухой Линь Тунши у неё не было никаких шансов. Надеяться, что она сможет изменить его судьбу, было бессмысленно.

В глубине души Линь Яньсин поклялся, что однажды, когда он добьётся успеха, первым делом разделается с этими двумя стариками... Ах да, и их любимчика Линь Цзюаня, который смотрит на всех свысока, тоже не оставит!

Что касается его старшего брата, который, как говорили, был слаб здоровьем и не имел поддержки в резиденции, то с ним справится госпожа Чжэнь.

Поскольку он опустил голову, никто не мог увидеть злобный взгляд Линь Яньсина, но Линь Яньхун почувствовал его ненависть и подавленность.

«Стыдись, злись, страдай... Всю свою жизнь ты будешь жить с этим!»

...

В империи Лян чиновники отдыхали раз в десять дней, что называлось «сюньцзя» или «сюньсю». Каждый месяц на десятый, двадцатый и последний день им предоставлялся выходной, а также были дополнительные дни отдыха.

Из-за праздника Чжунъюань, посвящённого поминовению предков, чиновники округа получили три выходных, поэтому Линь Цюндэ и Линь Фэн сегодня были дома, а клан Линь собирался провести обряд поминовения на третий день отдыха, пятнадцатого числа седьмого месяца.

Поскольку в старшей ветви семьи было мало потомков, всего лишь Линь Цюндэ с супругой, Линь Фэн, Линь Цзюань, Линь Яньхун и Линь Яньсин, мужчины и женщины не разделялись за столом.

Впрочем, в памяти Линь Яньхуна было, что госпожа Чжэнь, даже если не могла сидеть с ними, могла устроить себе отдельный столик.

Но на этот раз Линь Тунши не только отправила госпожу Чжэнь на кухню следить за блюдами, но и с холодным выражением лица заставила её прислуживать.

Поэтому госпожа Чжэнь стояла рядом, голодная, расставляя блюда и обслуживая всех.

Линь Яньхун заметил, что на её лице не было ни тени сопротивления или недовольства, лишь лёгкая улыбка, которая выглядела одновременно изысканно и тепло.

К тому же она была от природы красива и ухожена, и, если смотреть на неё без предубеждений, она действительно радовала глаз.

Если бы она действовала как хозяйка или невестка, ей нужно было бы заботиться только о Линь Цюндэ, его супруге и Линь Фэне.

Раньше Линь Тунши, чтобы возвысить её, не раз прибегала к подобным уловкам, и Линь Яньхун понимал, что в таких делах трудно разобраться, поэтому предпочитал не замечать и не чувствовать.

Теперь же Линь Тунши намеренно холодно обращалась с госпожой Чжэнь, не оказывая ей никакого уважения, и даже придиралась к ней, унижая её, что, очевидно, было связано с гневом из-за Линь Цзюаня.

Линь Яньхун не стал продолжать наблюдать за госпожой Чжэнь, так как знал, что сейчас она была безупречна и не могла допустить ошибку.

Он лишь незаметно наблюдал за выражением лица Линь Яньсина, но не обнаружил ничего подозрительного.

Это одновременно удивило Линь Яньхуна и вызвало у него ещё большую настороженность.

Однако он не знал, что отсутствие внешних проявлений со стороны Линь Яньсина по поводу

унижения его матери было связано не с тем, что он хорошо скрывал свои чувства, а с тем, что он просто не испытывал к этой «матери» никаких сыновних чувств, поэтому ему было всё равно.

Бабушка Линь Тунши, как и ожидалось, была крайне заинтересована в событиях на горе Ушань и неоднократно расспрашивала Линь Яньхуна о его пребывании в храме Хуайинь и о том самом монахе.

Линь Яньхун отвечал «искренне и тепло», но большую часть информации он просто уклончиво скрывал.

Линь Цзюань, хоть и был высокомерен, но, когда дело касалось осеннего экзамена, не мог не проявить интереса, поэтому, узнав, что Линь Яньхун молился за него в храме Хуайинь и привёз амулет, вежливо поблагодарил, назвав это «заботой».

Линь Тунши же улыбнулась:

— Ты старший, и то, что Яньхун молился за тебя, — это проявление его сыновней почтительности.

Раздражённая событиями на поэтическом собрании, она намеренно проявляла расположение к обычно нелюбимому Линь Яньхуну, игнорируя госпожу Чжэнь и Линь Яньсина, что явно доставляло ей удовольствие.

За весь обед, вероятно, только Линь Фэн искренне радовался возвращению Линь Яньхуна, даже выпив лишнюю рюмку.

Остальные же были заняты своими мыслями, и хоть еда не казалась им безвкусной, они явно были поглощены своими планами.

Линь Фэн хотел поговорить с сыном, но, учитывая долгий путь от горы Ушань до Юньяна и то, что Линь Яньхун только что вернулся и нуждался в отдыхе, предложил ему пораньше отправиться в Восточный двор.

...

После дня отдыха предстояло поминовение предков, и Линь Яньхун, вернувшись в свою комнату, решил лечь спать пораньше.

Но перед сном он должен был заглянуть в сюйми-цзецзы, чтобы проверить, как дела у волчонка.

Над водоёмом рассеялся туман, и на поверхности воды отразился образ малыша.

Вернувшись в резиденцию князя Юй в округе Пиньфу, Ли Цзинчэн поселился в кабинете князя.

Сначала Линь Яньхун был удивлён, но потом понял, что для великого князя, командующего войсками на границе, кабинет, вероятно, охранялся строже, чем его спальня.

Женщины из резиденции могли иметь причины посещать спальню князя, но уж точно не кабинет.

Спрятать там малого наследника, вернувшегося через душу предка, было безопаснее.

В кабинете также была кровать, и малыш лежал на ней, уставившись на что-то на своём запястье, весело виляя хвостом.

Это был браслет, сплетённый из сухожилий оленя, в который Линь Яньхун вставил древний нефрит, чтобы малыш мог носить его с собой, а не таскать мешочек, который мешал бы движениям.

Браслет был эластичным, поэтому, даже если волчонок превратится в человека, он не будет сдавливать руку.

Князь Юй, которому надоело видеть, как его сын, словно наседка, постоянно держит нефрит в руках или кладёт его на живот, специально приказал изготовить этот браслет.

Малышу очень нравилось это «устройство», и он то и дело поглядывал на него, иногда даже трогая его другой лапкой, а когда князь Юй приходил, показывал ему браслет.

Позже Линь Яньхун снова попробовал и обнаружил, что если волчонок находится рядом с нефритом, он может видеть его изображение.

Но только если малыш касается нефрита, он может слышать голос Линь Яньхуна.

Вот почему, когда Линь Яньхун впервые увидел князя Юй, его голос не дошёл до Ли Цзинчэна — малыш тогда бегал вокруг нефрита, не касаясь его.

Вернувшись в резиденцию князя Юй, Ли Цзинчэн снова оказался в одиночестве.

Отец, князь Юй, часто отсутствовал, лишь изредка брал его с собой навестить больную княгиню Юй. Кроме этого, с ним никто не разговаривал, не было компании, и он оставался в кабинете один, играя сам с собой.

В кабинете было несколько игрушек, но малыш, похоже, больше любил свой хвост.

Он гонялся за хвостом, кружась по комнате, или кусал его...

<http://bllate.org/book/17693/1651347>